

Сергей Мохов

Бинарный код многополярности: теория международных отношений Александра Дугина и ее соотношение с «нео-евразийской» доктриной

Введение

Продолжающийся уже более трех лет вооруженный конфликт между Украиной и Российской Федерацией широко потряс европейскую общественность, повергнув ее в атмосферу неопределенности и замешательства. Дефицит экспертных оценок и отсутствие качественного анализа причинно-следственных связей, которые были характерны, прежде всего, в начальной фазе конфликта, привели к поляризации мнений в европейском политическом истеблишменте в вопросах целесообразности той или иной стратегии противодействия. Некоторую неопределенность в суждениях и оценках, переросшую по аналогии во фрагментацию взглядов, можно было наблюдать и в международной академической среде¹. Последовавшие на этом фоне попытки поиска качественных объяснений экспансивной политике России способствовали инфильтрации «альтернативных» мировоззрений и рефлексий, которые – по крайней мере, на первый взгляд – обладают ощутимым экспликативным потенциалом и кажутся фундаментально осмысленными. Особое внимание на этом фоне привлекли труды российского автора Александра Дугина, чьи идеи ранее пользовались популярностью на Западе исключительно в радикально-идеологических кругах разных оттенков, но на волне указанных событий с удивительным успехом проникли в широкий медийный и интеллектуальный ландшафты и стали предметом интереса европейских СМИ.

В своих многочисленных монографиях, лекциях и интервью основатель и главный идеолог так называемого Международного евразийского движения (МЕД) раскрывает с характерной его рассуждениям склонностью к фашистской идеологии и эзотерике свои геополитические и этносоциологические видения, охватывающие идеи многополярного мирового порядка, а также неоимпериалистическую и наполненную фундаментальной враждебностью к Западу ревизионистскую концепцию «неоевразийства». Однако именно попытка объединить обе концепции в рамках единой парадигмы представляется с логической точки зре-

---

¹ Wendland A.W. Hilfflos im Dunkeln: «Experten» in der Ukraine-Krise. Eine Polemik // Osteuropa. 2014. №№ 9-10. P. 13-34.

ния крайне противоречивой. Единственно верная, по мнению Дугина, в условиях постмодернистской концепции восприятия мира идея многополярного мироустройства сводится в его размышлениях с одной стороны к противостоянию западно-либеральной модели, окончательно взявшей верх после распада СССР, с другой стороны – к попыткам реанимировать аутентичный баланс сил периода Холодной войны между противостоящими друг другу глобальными гегемониальными структурами. В то же время, критическая оценка совместимости приведенных концепций и их возможного сосуществования в рамках цельной парадигмы, как это себе представляет Александр Дугин, имеет решающее значение для анализа общего экспликативного потенциала его теории в контексте украинско-российского конфликта. Последний, в свою очередь, является предметной иллюстрацией предполагаемой несостоятельности вышеупомянутых теоретических концепций и простого желания российского публициста возродить былую атмосферу геополитического противостояния сверхдержав.

В контексте изложенного, данная работа рассматривает противоречивое нормативное сосуществование двух концепций в рамках предлагаемой Дугиным парадигмы – так называемых «теории многополярности» и доктрины «неоевразийства». При этом в центр дискуссии ставится утверждение, что рефлексии российского идеолога, несмотря на его демонстративную предрасположенность к многополярности, нацелены исключительно на возврат к международному порядку времен Ялты и Потсдама. Следовательно, замена закрепившейся после распада СССР западно-либеральной модели международных отношений биполярным балансом сил, в котором России отведена роль евразийской сверхдержавы, противостоящей США, имплицитно описывает суть его программы, которая, в свою очередь, является стержнем для производных теоретических концепций, в том числе и теории многополярности. Вместе с этим можно одновременно определить, что попытка Дугина выстроить качественно новую с эпистемологической точки зрения концепцию международного порядка, предполагающую наличие в мире нескольких полюсов силы, рушится о его параллельное рессентиментальное стремление восстановить характерную для модернистского мировоззрения дуполярность на «геополитической шахматной доске».

«Концепция неоевразийства» как доктрина и ядро дугинского мировоззрения

Генезис неоевразийства и становление метауровня дугинской парадигмы

С учетом поставленных целей, подразумевающих идентификацию основ дугинской парадигмы, возникает необходимость исследовать существующее качественное расхождение между ее основополагающими интердисциплинарными

концепциями. Сам Дугин отводит неоевразийству роль геополитической и культурной стратегии, которая через реинтеграцию постсоветского пространства призвана способствовать идентификации и восстановлению его гегемониальной роли в международной политике. Дугин указывает в контексте первенства англосаксонского мира на безальтернативность или, по крайней мере, преимущество евразийского пути развития для России². Выражаясь другими словами, неоевразийство, будучи преподнесенным в качестве эсхатологической идеологии, представляет собой приспособленную к Realpolitik доктрину, обобщающую систему аксиоматических взглядов, трактовок и убеждений. Исходя из этого, любая догматика и наличие иррациональных элементов не воспринимаются в качестве ошибочных или ложных³.

Дугин собирает под куполом этой доктрины различные идейные традиции, которые воспроизводятся в других контекстах и наполняются новыми смысловыми значениями. Основываясь на своих мистическо-философских идеях, он развивает собственные геополитические, этносоциологические и культурологические воззрения, посредством чего неоевразийство представляется несущим учением в рамках общего идейного конгломерата⁴. Выработанная под влиянием ностальгии по величию и могуществу России времен советской эпохи доктрина является зеркалом «дугинского мировоззрения» и совокупностью его внутренних (иррациональных) убеждений. Она основывается, соответственно, на классической геополитической диалектике, заимствованной Дугиным у Хелфорда Маккиндера (1861-1947), Альфреда Тайера Мэхэна (1840-1914), и подразумевает существование двух противоборствующих сил – Моря и Суши, чья конфронтация формирует международный мировой порядок в рамках исторического развития⁵. Среди этих предпосылок крах советской империи, который в понимании Александра Дугина был «исторической ошибкой» и символизировал поражение «сил Суши», стал поворотной точкой в «вечном противостоянии континентов»⁶. Именно этому историческому событию противостоит дугинское неоевразийство как реакционный идеологический конструкт. Он стремится восстановить желанный status quo и реанимировать геополитическое могущество репрезентирующей цивилизации «сил Суши» – России⁷.

---

² Дугин А. Битва за Россию, М., 2014. С. 12-14.

³ Luks L. Zwei Gesichter des Totalitarismus: Bolschewismus und Nationalsozialismus im Vergleich. Köln, 2007. P. 293.; Kochanek H. Die russisch-nationale Rechte von 1968 bis zum Ende der Sowjetunion: Eine Diskursanalyse. Stuttgart, 1999. P. 209-211.

⁴ Lehmann-Carli G., Drosihn Y., Klitsche-Schowitzki U. Russland zwischen Ost und West? Gratwanderungen nationaler Identität. B., 2011. P. 143.

⁵ Kruszewski C. The Pivot of History // Foreign Affairs. 1954. Vol. 32. № 3. <http://www.foreignaffairs.com/articles/71097/charles-kruszewski/the-pivot-of-history>. Последнее посещение 25 июня 2016.

⁶ Дугин А. Основы геополитики: геополитическое будущее России. Мыслить пространством. М., 2000. С. 18 и сл.

⁷ Дугин А. Евразийский путь как национальная идея. М., 2002. С. 72 и сл.

Несмотря на тот факт, что неоевразийство проникло в политологическую дискуссию лишь в конце 90-х годов прошлого века, принято полагать, что данный проект представляет собой идеологический концепт, получивший признание в российской истории и культуре задолго до этого⁸. Причиной подобного восприятия выступает не в последнюю очередь тот факт, что идеологический конструкт Дугина всячески связывают⁹ с популяризированными в XIX в. учением и идеями русских славянофилов и происходящего из них евразийства времен «белой эмиграции». Сам Дугин видит себя последователем и хранителем идей евразийства, которые указывают на родство России с Азией и ее неоспоримое отношение к евразийской культуре, утверждая при этом, что Россия, как континентальная сила, представляет собой фундаментальную противоположность англосаксонской цивилизации¹⁰.

Включающая в себя мифологическую семантику концепция неоевразийства является, в этом смысле, многогранным, комплексным и синтезированным идеологическим конструктом, постулаты которого уходят корнями, с методологической точки зрения, в специфическое восприятие истории, религии, культуры. В то же время, они (постулаты) дополняются идеями славянофилов, классиков геополитической мысли, конспирологов, традиционалистов, «новых правых», а также представителей так называемой «консервативной революции», что само по себе создает фундамент для новых интерпретаций и изложений¹¹. Несмотря на то, что подобный трансдисциплинарный подход неоевразийской доктрины на первый взгляд представляет собой последовательный и гармоничный ансамбль идей и причинно-следственных взаимосвязей¹², ряд ученых и экспертов указывают на хаотичный характер идеологии, который выражается неупорядоченным

---

⁸ Frank S.K. Eurasianismus: Projekt eines russischen dritten Weges 1921 und heute // Europa und die Grenzen im Kopf / Ed. K. Kaiser. B., 2003. P. 197-224; Fischer J. Eurasianismus: Eine Option russischer Außenpolitik? Berlin, 1998. P. 39-52.

⁹ Большинство ученых и экспертов отрицают связь между представителями классического евразийства 20-х годов прошлого столетия и нынешних сторонников неоевразийской доктрины. По мнению Андреаса Умланда, Дугин использует «бренд» аутентичного евразийства для того, чтобы исторически легитимировать свои устремления и скрыть истинные источники его идеологии – европейский фашизм и экстремизм. См.: Umland A. Intellektueller Rechtsextrismus im postsowjetischen Russland: Der Fall Alexander Dugin // Berliner Debatte Initial. 2006. Vol. 17. № 6. P. 33-43.

¹⁰ Wiederkehr S. Die eurasische Bewegung: Wissenschaft und Politik in der russischen Emigration der Zwischenkriegszeit und im postsowjetischen Russland. Köln, 2007. P. 32-40; Meyer R. Europa zwischen Land und Meer: Geopolitisches Denken und geopolitische Europamodelle nach der «Raumrevolution». Göttingen, 2014. P. 289-293.

¹¹ Umland A. Pathological Tendencies in Russian «Neo-Eurasianism»: The Significance of the Rise of Aleksandr Dugin for the Interpretation of Public Life in Contemporary Russia // The Nature of Russian «Neo-Eurasianism»: Approaches to Aleksandr Dugin's Post-Soviet Movement of Radical Anti-Americanism / Ed. A. Umland. Armonk, 2009. P. 76-89; Frank. Eurasianismus. P. 219 и сл.; Fischer. Eurasianismus. P. 55.

¹² Shekhovtsov A. The Palingenetic Thrust of Russian Neo-Eurasianism: Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview // Totalitarian Movements and Political Religions. 2008. Vol. 9. № 4. P. 492.

соединением отдельных ее составляющих компонентов¹³. Исходя из выше сказанного и учитывая склонность автора к теориям заговора, параноидальному формированию образа «врага» и манихейскому миропредставлению, определение дугинской доктрины как «*Ideologie der Irritation*» кажется адекватной иллюстрацией ее сути¹⁴.

Дуализм как основополагающий элемент неоевразийства

Как гипотетически было представлено выше, идеологический конструкт неоевразийства и дугинское мировоззрение в целом формируются на основе дуалистическо-антагонистической логики мышления автора. Особенно важно, в этом смысле, осознать, где предполагаемая дуализация берет свое начало и какими факторами она предопределяется. Целесообразно также разобрать различные уровни дуализма и осветить взаимосвязь между ними.

Дуализм, будучи методом и вспомогательным инструментом познания, предполагает метафизическое сосуществование двух различных и структурно независимых друг от друга начал, которые могут быть представлены в форме стихий, совокупности принципов, сил или моделей восприятия, взаимодействие между которыми зачастую может восприниматься как противостояние контрастивных норм¹⁵. Эти нормы по отношению друг к другу выступают антагонизмами, чье комплементарное соотношение сопровождается конфликтогенным напряжением¹⁶. Разграничение между противоположностями, которые формируют гармоничную целостность тезиса и антитезиса, способствуя при этом становлению четкой и фиксированной системы взаимоотношений, не предполагает наличия альтернатив за рамками всеобъемлющей и всеопределяющей конфликтной линии¹⁷. Учитывая тот факт, что противоположности внутри дуалистических конструкций, неся в себе неиссякаемую природу, не могут быть ограничены во времени и пространстве, преодоление их антагонистической взаимосвязи не представляется возможным. Единственным исключением в вопросе преодоления дуалистического бытия может быть безоговорочная «победа» (или «поражение») одной из противоположностей, что, в свою очередь, будет способствовать становлению монизма¹⁸.

Конкретизируя выше сказанное, присущий дугинским рефлексиям дуализм подразумевает полярность двух противостоящих и географических детермини-

¹³ Höllwerth A. Das sakrale eurasische Imperium des Alexander Dugin: Eine Diskursanalyse zum postsowjetischen russischen Rechtsextremismus. Stuttgart, 2007. P. 116 и сл.

¹⁴ Kochanek H. Die russisch-nationale Rechte von 1968 bis zum Ende der Sowjetunion: Eine Diskursanalyse. Stuttgart, 1999. P. 213.

¹⁵ Schönberger R. Der Gegensatz von Gut und Böse und die eine Wirklichkeit: Albertus Magnus zum Problem des Dualismus. Münster, 2013. P. 26 и сл.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Robinson H. Dualism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. E.N. Zalta. 2012. <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/dualism>. Последнее посещение 20 июня 2016.

¹⁸ Ibid.

рованных сфер-стихий – Талассократии (sea power) и Теллуократии (land power), антагонистическое соотношение которых формирует для идеологии неоевразийства «основной закон геополитики»¹⁹. Указанные стихийные силы существуют в качестве константных онтологических элементов и подразумевают фундаментальные аспекты людского бытия. Так, например, «сила Суши» олицетворяет в качестве постоянной структуры стабильность и фиксированность. В противоположность этому силы «Моря и Воды», как меняющаяся структура, символизируют движение и динамику²⁰. Эти два элемента определяют в целом общее материальное бытие и отображаются также в биологической субстанции человека как плоть и кровь²¹. Данное метафорическое отождествление манифестирует взаимозависимость двух элементов и символизирует сплоченность данной системы отношений. В ней каждый из элементов определяет развитие противоположного начала, указывая тем самым на наличие дуальной связи между ними. Дугинское восприятие реальности отображает, таким образом, традиционные шаблоны диалектических рефлексий, в которых конфронтативная природа социальных отношений выступает катализатором цивилизационного прогресса и способствует идентификации каждой из сторон.

Соответственное распределение пронизывает всю дугинскую парадигму, а указанная конфликтная линия между двумя формами бытия определяет логику противоречивого идеолога. Таким образом, если просматривающееся на геокультурном уровне противостояние является исходной точкой общего идейного конструкта – что однозначно утверждается в этой работе – то дугинскую склонность к дуализму можно идентифицировать и в его интерпретации понятия «политического». Определение политического, равным образом, следует трактовать в качестве инструмента для толкования дуалистических форм и их характеристик.

Свои представления и убеждения о конститутивном содержании понятия политического Дугин черпает в идеях немецкого правоведа и политического философа Карла Шмитта (1888-1985), что отчетливо отображается в отдельных элементах его неоевразийской доктрины и в парадигме в целом. Шмитт является, в некотором смысле, наставником и идейным путеводителем Дугина, предопределяя многие аспекты в его учениях. Прежде всего, Дугин старается подражать Шмитту в его антропологических, социальных и политических представлениях, и, особенно, в его критике либерализма. При этом остается непонятным, какие элементы учения противоречивого (ввиду его связи с национал-социалистическим режимом) автора в действительности предопределяют благоговейное отношение Дугина к его идеям. Неоспоримым, однако, остается факт: Дугин разделяет его геополитические взгляды, которые также основываются на

---

¹⁹ Дугин. Основы геополитики ... . С. 91.

²⁰ Он же. Теория многополярного мира ... . С. 361 и сл.

²¹ Höllwerth. Das sakrale eurasische Imperium ... . P. 231.

дуализации бытия²². Равным образом очевидно, что Дугин видит в Шмитте соратника в своей борьбе против агентов «сил Моря» и рассматривает его как представителя континентальной мысли, который противостоял идеологам «морской стихии» Великобритании и США²³.

Опираясь на мысли Шмитта, Дугин определяет понятие политического как континуум антагонизмов со специфической конфликтной семантикой, которая, по своей сути, отделяет сферу политического от других ветвей человеческого бытия. Суть политического имплицитно производит производное из противопоставления понятий «друг» и «враг», которое по аналогии с антагонизмами из сферы морали «хорошо» – «плохо», и из сферы эстетики «прекрасно» – «отвратительно» воспроизводит собственную оценочную систему координат²⁴.

Определяющей характеристикой политических антагонизмов в сравнении с альтернативными дуалистическими структурами из других сфер человеческого бытия является градус интенсивности потенциального противопоставления между двумя элементами, образующих своего рода континуум отношений номинальных «друга» и «врага» – крайне позитивного и крайне негативного выражения социально-общественной идентификации. Иными словами, данное разграничение предлагает самый интенсивный уровень ассоциации и диссоциации²⁵. Позиционирование кого-либо в качестве «врага» подразумевает в рамках логики Шмитта возможность произвести разграничение по определенным критериям между «своими» и «чужими». Соответствующее распределение *per se* способствует становлению коллективных форм идентичности, формируя отличительное от понятия «Они» самодостаточное «Мы»²⁶. Другими словами, существование коллективного «Мы» в рамках шмиттовского определения политической субстанции а priori не является возможным без определения и дистанцирования от коллективного «Они». Социально-политическая устойчивость предполагает, следовательно, непрекращающийся поиск собственного противоречия, способствующего становлению контраста для самоидентификации. Исключительно при наличии контрастирующего элемента и интенсивности внутри антагонистической пары можно говорить, согласно Шмитту, о существовании системного порядка²⁷.

---

²² Schmitt C. Land und Meer: Eine weltgeschichtliche Betrachtung. Mit einer Nachbemerkung von Carl Schmitt vom 10.4.1981. Stuttgart, 1993. P. 16-17.

²³ Höllwerth. Das sakrale eurasische Imperium ... . P. 250.

²⁴ Schmitt C. Der Begriff des Politischen: Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. B., 1991. P. 26-27.

²⁵ Ibid. P. 27-28.

²⁶ Mouffe C. Über das Politische: Wider die kosmopolitische Illusion. Frankfurt/M., 2007. P. 18-19.

²⁷ Böckenförde E.-W. Der Begriff des Politischen als Schlüssel zum staatsrechtlichen Werk Carl Schmitts // Complexio oppositorum: Über Carl Schmitt. Vorträge und Diskussionsbeiträge des 28. Sonderseminars 1986 der Hochschule für Verwaltungswissenschaften Speyer / Ed. H. Quaritsch. Berlin, 1988. P. 286-287.

Несмотря на то, что точность определения понятия политического, видимо из-за банальности вопроса, отсутствует в работах Дугина, в которых он, прежде всего, тематизирует геополитические и геокультурные аспекты, семантика немецкого правоведа отчетливо просматривается в дугинской патетике. Дугин наполняет геополитику тем же политическим содержанием, которое он заимствует у Карла Шмитта в его определении понятия политического. Он переносит качество аутентичной антагонистической модели «друг – враг» на классический геополитический дуализм, выделяя при этом политическую составляющую в противостоянии двух стихий²⁸. Мировой порядок напоминает в этой онтологической конструкции паутину, в которой противоборство условного «друга» и условного «врага» определяет ход исторического развития²⁹.

Подобная «политизация» классического геополитического дуализма способствует перевоплощению изначально нейтральных и географически детерминированных концепций власти (Талассократии и Теллурократии) в идеологически наполненную и из апперцептивного восприятия Холодной войны выведенную пару стратегических антагонизмов, в которой евразийство³⁰ противопоставляется атлантизму³¹. Геополитика, в свою очередь, выступает для Александра Дугина, с одной стороны, полем противоборства указанных сил; с другой стороны, ее основная функция как сферы деятельности представляется философу в том, чтобы географически локализовать врагов традиционализма и легитимировать россий-

---

²⁸ Frank. Eurasianismus. ... P. 220-221.

²⁹ Дугин А. Геополитика постмодерна: Времена новых империй: очерка геополитики XXI века. СПб, 2007. С. 5-8.

³⁰ Евразийство выступает в этом смысле как геополитический и геокультурный субъект в рамках дугинской идейной архитектуры. В этом плане следует различать между Евразийством (актером), одноименным движением 20-х годов прошлого столетия и концепцией неоевразийства. Важно также понимать, что и в работах Дугина использование данного термина всегда зависит от контекста и может варьироваться.

³¹ Следует понимать, что, независимо от приведенной пары терминов «евразийство» и «атлантизм», Дугин употребляет и другие понятия для иллюстрации антагонистического противостояния географически детерминированных стихий. Наряду с парой «Талассократия» и «Теллурократия» в его работах встречаются также разграничение между контрастирующими «Водой» и «Сушей», «Морем» и «Континентами», «Sea Power» и «Land Power», «Западом» и «Востоком», (англосаксонским) «атлантизмом» и (русским) «евразийством», «Левиафаном» и Бегемотом» и т.д. Предметное соотношение каждой отдельной пары терминов всегда остается эквивалентной другим парам. Все обозначения из смыслового ряда относятся к одному и тому же содержанию, которое, в свою очередь, не меняет своих объективных характеристик при меняющихся терминах. Иначе обстоит дело с интенциями и семантическими наполнениями, которые варьируются в зависимости от выбранной лексической пары. Так, в случае необходимости подчеркнуть культурно-историческое различие между двумя антагонистическими элементами, пара «Восток» и «Запад» кажется более подходящей в сравнении с другими обозначениями ввиду того, что с помощью лингвистических форм дополнительно усиливается ассоциативное восприятие значений. Как «Запад», так и «Восток» выступают в этом смысле как устоявшиеся собирательные категории, которые ассоциируются с культурной принадлежностью. «Атлантизм», в свою очередь, следует воспринимать, с точки зрения неоевразийства, как политико-идеологический смысловой образ врага, в то время как «Левиафан» подразумевает прообраз его административно-правовой структуры.

ский империализм как защитный инструмент для противостояния постмодерну³². Используя данные понятия, Дугин пытается, прежде всего, осветить политическую составляющую исходного антагонизма и в ней заключенное противоречие, а также подчеркнуть культурно-идеологическое различие между двумя силами. Так он воспроизводит конкретного политического «врага» (нео-)евразийства и наделяет его необходимым идеологическими атрибутами, заимствованными из исторической конфронтации между блоками времен Холодной войны³³.

Термин «Атлантизм» – как наглядный пример этого процесса – относится в понимании Александра Дугина к западной, культурно синтезированной цивилизации и обобщает государства, в которых доминирует либерально-демократическая идеология и которые являются членами Северо-Атлантического Альянса³⁴. Исходя из соответствующего определения «врага», Дугин манифестирует свою когнитивную привязанность к старой советско-американской биполярной модели противостояния, которое ввиду неразрешимой враждебности между «Морем» и «Сушей» продолжает существовать в понимании Дугина в своей активной фазе. Главное, что изменилось – это положение обеих сил, которое после краха евразийского СССР к концу 90-х годов прошлого столетия характеризуется диспропорцией в пользу атлантического контрагента³⁵.

Именно это отклонение от «природного» состояния является предпосылкой для неоевразийских стратегических устремлений, которые, прежде всего, направлены на восстановление бывшего status quo в форме системной конфронтации между стихийными силами. Кроме того, в идеологическом конструкте выражается склонность Дугина коренным образом изменить миропорядок, созданный в 1989 году на развалинах Берлинской стены, и представить Россию в качестве сверхдержавы и ведущей силы евразийского и теллуократического вектора³⁶.

Противостоящее атлантизму евразийство пытается выстроить антизападный коалиционный фронт из теллуократических народов и культур Евразии, который мог бы фундаментально противостоять либерально-демократической идеологии в ее сути³⁷. Однако соответственное бескомпромиссное антизападное позиционирование не должно, согласно идеям Дугина, осуществляться в протекционистской форме, как это предполагалось сторонниками евразийства в начале прошлого столетия, а реализовываться посредством активной конфронтации с оппонентом вплоть до масштабной войны. Успех в геокультурном столкновении,

³² Wiederkehr S. «Kontinent Evrasija»: Klassischer Eurasianismus und Geopolitik in der Leseart Alexander Dugins // Auf der Suche nach Eurasien: Politik, Religion und Alltagskultur zwischen Russland und Europa / Ed. M. Kaiser. Bielefeld, 2004. P. 134.

³³ Дугин. Теория многополярного мира ... С. 413-417.

³⁴ Там же. С.403.

³⁵ Дугин А. Четвертая политическая теория: материалы семинаров и конференций по политологии и политике в современном мире. М., 2011. С. 147-150.

³⁶ Он же. Геополитика постмодерна ... С. 15-19.

³⁷ Он же. Четвертая политическая теория ... С. 165.

выражаясь другими словами, может быть достигнут, если самобытная идентичность врага будет поставлена под угрозу своего существования³⁸. При этом для окончательного решения антагонистического дуализма Европа, как часть евразийского континента, должна быть освобождена от влияния США и интегрирована в рамках евразийского стратегического вектора в качестве союзника по альянсу против англосаксонской гегемонии³⁹.

Дугин создает альтернативную систему ориентиров – своего рода программно-стратегический блок – который противопоставляется западной модернистской и постмодернистской семантике на самых различных уровнях. Опираясь на советскую модель интернационализма, евразийской России – носителю неоевразийской идеи – отводится роль Катехона, который призван сдерживать западно-либерального «антихриста» в олицетворении США и защищать народы, «страдающие» под гнетом «мондиалистического тоталитаризма»⁴⁰. Неизбежным в данном контексте является становление качественно новой культурной эпохи, которая могла бы благоприятствовать синтезу отдельных европейских и азиатских культурных начал в общую евразийскую модель. В этом смысле неоевразийство, претендуя на субъектность в концепции «русской идеи», отображает заимствованное в ней мессианство⁴¹.

Предлагаемая Дугиным модель, созданная для «крестового похода» против западного универсализма, а также модернистского и постмодернистского евроцентризма, основывается, следовательно, на принципах «традиционного общества» премодернистской эпохи, к которым относятся патернализм, коллективизм, христианско-ортодоксальный фундаментализм, верховенство морали и этики над правом и рациональностью. Помимо этого, данная модель, будучи выстроена на ressentimente по отношению к демократии, плюрализму и либеральности, опирается на идею «русской особенности», которая настаивает на наличии «особого пути» для российской государственности между востоком и западом⁴². В этом смысле холистическая антропология, географический детерминизм, государство и авторитет отображают ведущие принципы, которым подчиняется индивид.

На уровне антагонистической пары Запад-Восток (культурный уровень противостояния) Дугин, подражая идеям Сэмюэля Хантингтона, Джона М. Хобсона и Антонио Грамши, подвергает критике глобальное доминирование и универсальность западно-либеральной культуры. В частности, предметом его критики выступает сама форма либерального культурного бытия⁴³.

³⁸ Там же. С. 166 и сл.

³⁹ Он же. Теория многополярного мира ... С. 446 и сл.

⁴⁰ Он же. Консервативная революция. М., 1994. С. 142.

⁴¹ Sieber B. «Russische Idee» und Identität: «Philosophisches Erbe» und Selbstthematisierung der Russen in der öffentlichen Diskussion 1985-1995. Bochum, 1998. P. 93f.; Sarkisyanz E. Rußland und der Messianismus des Orients: Sendungsbewusstsein und politischer Chiliasmus des Ostens. Tübingen, 1955. P. 168-196.

⁴² Дугин. Русская вещь ... С. 14-20.

⁴³ Он же. Четвертая политическая теория ... С. 12 и сл.

В данном контексте в качестве предметов критики выступают евроцентризм, экспансивное развитие западной культуры, которую Дугин трактует как колониализацию, а также специфическое стремление к нигилизму. При этом либерализм олицетворяет в восприятии Дугина последовательную и агрессивную форму европейского нигилистического духа, который имплицитно антитрадиционную, деструктивную, циничную и антигуманную направленность либерального бытия. Исходя из этого, Дугин призывает к отрицанию универсальности западных исторических практик и традиций, которые, в его видении, должны оставаться географически ограниченными и, при необходимости, локализованными в рамках их аутентичного поля действия. Неподконтрольное тотальное распространение либеральной культуры публицист трактует как «вызов всей структуре эпохи Модерна, отвержение Просвещения, приравнивание духа Нового времени к локальному – географически и исторически – явлению»⁴⁴. Тем самым идеологический конструкт неоевразийства ставит стратегическую цель, заключающуюся в установлении «плюрализма цивилизаций», и призывает к внедрению запрета на интервенцию «чужеродных» культур в систему ценностей других народов.

Подобное требование на политико-идеологическом уровне апеллирует, согласно схожей логике, к вере в универсальность западных (атлантических) форм правления и политико-экономических моделей. На этом фоне Дугин указывает на ошибочность восприятия демократии в качестве общезначимой концепции управления государственными делами. Вместо этого он призывает воспринимать демократию как формат секулярного культа и, одновременно, инструмент политической догматики, который должен быть критически осмысленным перед тем, как внедрять его в условиях не-западной политической культуры в качестве метаосновы политико-регулятивного процесса⁴⁵. Кроме того, Дугин поддает критике либерализм в его политическом и экономическом образе за его линейное представление исторического развития и веру в перманентный прогресс. Основываясь на этом, Дугин предлагает в качестве альтернативной формы правления идеократию, которая подразумевает выстраивание структур власти на основе определенных идей и догм. В этом смысле центральными являются так называемая «Русская национальная идея»⁴⁶ в трактовках Николая Бердяева⁴⁷ и других авторов, а также идея «Русского мира»⁴⁸.

---

⁴⁴ Там же. С. 163.

⁴⁵ Там же. С. 9 и сл.

⁴⁶ «Русская национальная идея» – это собирательное понятие, которое включает в себя образы и мотивы русского национального «Raison d'être», подразумевающего совокупность идей об историко-культурной особенности русского народа и своеобразной «великой миссии России», в частности, в борьбе против «вселенской несправедливости».

⁴⁷ Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. Париж, 1946.

⁴⁸ Термин «Русский мир» представляет геополитическую и геокультурную концепцию транснационального и трансконтинентального общества, основой которого выступает идея идентификации его членов с Россией (или Советским Союзом) и русской культурой. Подробнее об

В свою очередь, на административно-правовом уровне антагонизма сил-стихий, выраженного посредством противостояния между структурами в прообразах библейских чудовищ «Левиафана» и «Бегемота», предметом критики идеолога неоевразийства выступают западная «номократия»⁴⁹ и концепция правового государства, которые представляют экзистенциальный императив в западно-либеральных государствах. Данные формы государственности являются, согласно Дугину, производными от модернистской логики либерализма и поэтому не должны проецироваться на страны, которые основываются на других культурно-идеологические истинах. Это утверждение распространяется также на концепцию прав человека, выстраивающуюся на либерально-индивидуалистической логике и разрушающую идею холизма. Таким образом, из отрицания концепции верховенства права произрастает альтернативная административно-правовая концепция, организующая общество на основе этических (прежде всего христианско-ортодоксальных) постулатов. Последние сводятся к основному принципу, который отводит правде и справедливости большее значение, чем праву.

Очевидно, что идея несводимости друг к другу двух основных начал «универсума» всесторонне охватывает логику Александра Дугина, выступая фундаментом его теоретических концепций. Сама дуалистическо-антагонистическая структура его идеологии является следствием интеграции идей Карла Шмитта, классиков геополитики и представителей евразийского движения 20-х годов XX-го века. Будучи связанным с личными реваншистскими настроениями Дугина, вызванными крахом Советского Союза, дуализм определяет его общее мировоззрение и просматривается в различных формах – как в его доктрине неоевразийства, так и в сукцессивных теоретических концепциях. Ключевым на фоне обозначенных в данной работе утверждений выступает вопрос, представляют ли очерченные формы дуализма и всеобщего деления на «белое» и «черное» в действительности постоянную антагонистическую форму дугинского бытия? Если это соответствует истине, то любая идея многополярного мироустройства обречена носить в себе антагонистическую конфликтную структуру, в которой биполярность является наивысшим уровнем международной полярной диверсификации. В этом случае, опираясь на вероятную устойчивость дуалистического мышления Дугина, можно предполагать, что концепция многополярности представляет собой исключительно утопическую конструкцию. Если же дуальная структура, напротив, представляет изменчивое состояние, то на фоне предполагаемых

этом: Забирко А. Литературная генеалогия концепции «Русский мир»: от Бедной Лизы до полковника Гиркина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 2. С. 114-137.

⁴⁹ Речь идет, прежде всего, о нормативной идее «Верховенства права» в трактовках основоположника либерально-государственной концепции Джона Роулза (1921–2002) – одного из наиболее выдающихся представителей англо-американской политической философии XX-го столетия. Rawls J. *Eine Theorie der Gerechtigkeit*. Frankfurt/M., 1975. P. 265-274.

альтернатив возникает вопрос относительно вероятности становления именно многополярной модели международных отношений.

(Не-)преодолимость дуализма в рамках концепции неоевразийства

Несмотря на тот факт, что Александр Дугин не предоставляет исчерпывающего ответа на поставленные выше вопросы, а всяческие попытки самостоятельно разъяснить суть могут быть расценены как спекуляции, можно, с одной стороны, с уверенностью утверждать, что географически детерминированный дуализм представляет для него природное состояние, которое всегда определяло развитие истории⁵⁰. С другой стороны, Дугин допускает возможность преодоления вечно-го конфликтного соотношения между двумя стихиями. С точки зрения неоевразийства, основным механизмом для этого выступает покорение или даже уничтожение геополитического врага, что одновременно трактуется как предпосылка для реализации своей стратегической цели – международно-правовой легитимации так называемого «плюрализма культур», который символизировал бы неоевразийский «конец истории»⁵¹. Несмотря на данное противоречие, наполняющий дугинскую логику дуализм не представляет собой временного состояния бытия. Таким образом, любое переформатирование и, прежде всего, плюрализация элементов или даже преодоление конституирующего этот дуализм противостояния между отдельными антагонистическими стихийными силами с эпистемологической точки зрения не представляется возможным.

В отдельных случаях склонность и стремление к дуализации в рамках дугинской концепции выражены в курьезных умозаключениях автора. Наглядным примером этого выступает попытка представить российского президента, Владимира Путина, как человека с диссоциативным расстройством идентичности. В частности, Дугин заявляет: «Есть лунарный Путин и солярный Путин (...) Солярный Путин – это Путин, каким я хотел бы его видеть. Лунарный же Путин смотрит на мир через призму договоров, сотрудничества, поставок газа. Это прагматик»⁵². Раскол в личности Путина является, согласно Дугину, следствием борьбы двух сил внутри его сознания. В соответствии с этим, есть фазы, когда

---

⁵⁰ Дугин. Геополитика постмодерна ... С. 9 и сл.

⁵¹ Термин «конец истории» принято ассоциировать с идеями американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, который в контексте краха социалистической модели сформулировал тезис об окончательной победе западной либеральной цивилизации, провозгласив нейтрализацию глобальных противоречий. Подробнее об этом в: Fukuyama F. *Das Ende der Geschichte: Wo stehen wir?* München, 1992. Александр Дугин, видя себя духовно-научным оппонентом Фукуямы и ряда других западных ученых и пытаясь при каждой публичной возможности вступить с ними в заочный диспут, наполняет этот термин своим смыслом. Таким образом, идеолог неоевразийства старается поставить себя на одну академическую сцену с Фукуямой и другими идеологами либеральной мысли, придав своим идеям статус равноценной альтернативы.

⁵² Цит. по: Нееф К. Александр Дугин: «Любой житель Запада – расист» // ИА «Inopressa». 14 июля 2014. <http://www.inopressa.ru/article/14Jul2014/spiegel/dugin.html>. Последнее посещение 25 июня 2016.

действия российского президента управляются «силами Суши». В подобные моменты он действует согласно евразийским ценностям, а поиск путей для решения существующих проблем осуществляются на основе евразийских догм. В то же время существуют фазы в его политической деятельности, в которых его решения находятся под влиянием сил Моря и противоречат тем самым неоевразийской системе ценностей⁵³. Аналогичную аргументацию можно отметить в дугинских рефлексиях относительно исхода Второй мировой войны. Капитуляцию Третьего Рейха Дугин объясняет фатальной стратегической ошибкой Адольфа Гитлера, решившегося атаковать СССР – своего стратегически надежного и целесообразного союзника⁵⁴, а также попытками национал-социалистического политического истеблишмента создать коалицию с Великобританией – типичным представителем «морской силы».

Расщепление дуальной (биполярной) системы может, по мнению Дугина, воплотиться в реальность исключительно через «триумф» или «поражение» одной из геокультурных сил, как это недвусмысленно проиллюстрировал крах СССР и распад социалистического блока государств в конце 80-х годов XX-го века. Следовательно, первичным для формата дугинского международного порядка является фундаментальный принцип-вопрос классовой борьбы, сформированный Владимиром Лениным: «Кто – кого?»⁵⁵. Если Талассократия возьмет верх в противоборстве с Теллурократией, как это, в интерпретации Дугина, случилось в Берлине при воссоединении Германии в 1989 году, то результатом преодоленного антагонизма будет становление однополярного мироустройства с единой сверхдержавой. По зеркальной аналогии Дугин указывает на возможность формирования многополярного миропорядка во главе с множеством региональных квазигегемонов в случае, если Теллурократия выйдет триумфатором из «вечной схватки» со своим оппонентом. Вероятность интернационалистически направленного гегемониального внедрения собственной идеологии после потенциального устранения американского господства не предусматривается Дугиным или попросту им замалчивается.

Неодинаковые сценарии развития сводятся к различным внешнеполитическим манерам и традициям обеих стихийных сил в присущих им геополитических из-

---

⁵³ Там же.

⁵⁴ В этом контексте целесообразно упомянуть о немецком геополитике Карле Хаусхофере (1869-1946), который наряду с Карлом Шмиттом является источником идейного вдохновения для Дугина. Это отчетливо наблюдается по тому, что дугинские идеи об евразийском пространстве идейно связаны помимо всего прочего с немецкой геополитикой 30-х годов прошедшего столетия. Хаусхофер подчеркивал важность союзных отношений с советской Россией, о чем, в частности, свидетельствует его евразийская континентальная доктрина, которая объединяет государства евразийского континента общей целью – создать противовес англосаксонскому миру во главе с США. При этом немецкий геополитик указывал на острую необходимость создания союзной геополитической оси «Берлин – Москва – Токио»: Haushofer K. *Kontinentalblock: Mitteleuropa, Eurasien, Japan*. Berlin, 1941.

⁵⁵ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов: доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17октября 1921 года // Он же. ПСС. 55 тт. М., 1966. Т. 44. С. 161.

мерениях. В случае внешнеполитической активности «морской силы», рассматривающей весь мир в качестве отдельных островов, подлежащих колонизации, речь идет, как правило, о создании колоний. В свою очередь, «силы Суши» нацелены на строительство империй, цель которых заключается в интеграции и освоении пространств. Также существенное отличие можно определить и в инструментально-тактических особенностях внешнеполитической активности. Если авторитативное распределение ценностей «силами Суши» осуществляется, прежде всего, с применением «жесткой силы» (hard power) и насильственного принуждения к подчинению, то «силы Моря» отдают предпочтение механизмам «мягкой силы» (soft power). Таким образом, именно Талассократия представляется склонной к идеологической унификации оси «метрополия – колония» и культурно-языковой ассимиляции для построения систем доминанции и контроля над захваченными территориями⁵⁶. Вследствие этого, гегемонии делают акцент на выстраивании «культурного монолита», в то время как их визави, империи, как правило, не противостоят плюрализму культур внутри себя. Выражаясь другими словами, предстоящее противоборство между континентами ведет либо к однополярной модели международного господства, как в случае превосходства «морской силы», либо – к многополярному формату международных отношений в случае победы «сил Суши»⁵⁷.

Совершенно очевидно, что геокультурная плюрализация – как и любое другое видоизменение – международного поля не представляется возможной в дугинском незыблемом дуализме без нейтрализации одной из сил. Таким образом, для выхода из дуальной структуры мирового порядка неизбежной представляется прямая конфронтация между евразийством и атлантизмом. Для того, чтобы эта конфронтация состоялась, следует, учитывая нынешнюю асимметричность в исходном положении сторон, восстановить двуполярный порядок ввиду того, что равнозначность сил является первоочередным условием для положительного исхода. Если принять во внимание тот факт, что преодоление геокультурного дуализма и производное от этого установление многополярного миропорядка формируют стратегическую задачу неоевразийства, то возврат к биполярности подразумевает тактический маневр в виду того, что онтологически существующий дуализм фактически в его нынешней форме нивелирован асимметричным соотношением сил между Талассократией и Теллуократией. Перефразируя выше сказанное, дуализм характеризуется в неоевразийской логике, с одной стороны, своей перманентной онтологической природой, но является, с другой стороны, лишь прелюдией для собственного упразднения. Таким образом, преодоление геокультурной двуполярности и наступление новой эпохи в международных отношениях требуют создания двуполярности и, следовательно, возврата к старому миро-

⁵⁶ Menzel U. Internationale öffentliche Güter und die Kontrolle der globalen Allmende // Hegemonie und Multipolarität: Weltordnungen im 21. Jahrhundert / Ed. E. Crome, R. Krämer. Potsdam, 2013. P. 24f.

⁵⁷ Дугин. Четвертая политическая теория ... . С. 166 и сл.

порядку времен Ялты и Потсдама. Именно в данном аспекте дугинские эсхатологические представления в своем логическом измерении манифестируют собственную избыточность и тавтологичность. Данная специфика идей Дугина может наблюдаться в различных диалектических концепциях, что само по себе является типичным для подобной формы рефлексивного теоретического мышления, имеющего своим предметом противоречие мыслимого содержания.

Ярким примером, иллюстрирующим это соображение, выступает, наряду с неоевразийством, марксизм, стремящийся низвергнуть институт государства как выражение классового господства, но призывающий воплотить эту цель в жизнь с помощью так называемой «диктатуры пролетариата» и укрепления государственных механизмов⁵⁸. Как в марксизме, так и в неоевразийстве основная цель воспроизводится на уровне утопии и представляет в конечном итоге иллюзию, воплощение в реальность которой требует стечения различных обстоятельств и факторов, что, независимо от ожиданий, вряд ли может быть достигнуто или осуществлено на практике. Кроме того, характерной для диалектических учений является также инструментализация утопических намерений, которая служит, как правило, материализации какого-либо рода интересов.

Осознание Дугиным того, что поле боя в схватке США и СССР осталось за Талассократией, а также его убежденность в необходимости новой экзистенциальной схватки между евразийством и атлантизмом указывают на тот факт, что преодоление дуально-антагонистической структуры возможно лишь на ограниченный временной отрезок и исключительно в определенном качественном смысле⁵⁹. Наделяя дуализм подобной характеристикой, идеолог неоевразийства исключает полное искоренение противостоящих коллективных идентичностей и допускает исключительно становление асимметрических взаимоотношений между ними. Для Дугина представляется вполне возможным уничтожение (гео)политических «врагов», но не их геокультурных прообразов, которые, детерминируя характер антагонистических элементов, продолжают существование даже после предполагаемой схватки между ними. Прямая конфронтация может способствовать исключительно развитию асимметрии внутри политических, экономических, культурных измерений их антагонистических соотношений, о чем свидетельствовали отношения между РФ и США в 90-х годах прошлого столетия. Однако решающим фактором для этого выступает не только онтологическое восприятие существующего противостояния между внутренней логикой обеих форм цивилизаций, которые, согласно Дугину, воспроизводятся структурой сакральной географии и геополитики, но и взаимозависимость антагонизмов, гарантирующее их выживание⁶⁰.

⁵⁸ Ленин В.И. Государство и революция: учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. М., 2014. С. 9-23.

⁵⁹ Дугин. Теория многополярного мира ... . С. 202, 327.

⁶⁰ Höllwerth. Das sakrale eurasische Imperium ... . P. 207-230.

Определение политического в традиции Карла Шмитта играет в вопросе взаимозависимости элементов дуализма немаловажную роль. Будучи интегрированным в парадигму как метатеория неоевразийской идеологии понятие политического служит основой для возникновения антагонизмов и определяет генезис или репродукцию политических коллективных идентичностей. В предложенной Шмиттом модели «друг – враг» ее противоборствующие антагонистические элементы зависят друг от друга по причине того, что для создания коллективного субъекта «Мы» необходимым является определение противоположного коллективного «Они». Следуя этой логике, устранение номинального «врага» – коллективного «Они» – предопределяет возникновение кризиса идентичности в коллективном субъекте «Мы», что, несомненно, негативно скажется на его гомогенности и целостной идейной ориентации, минимизируя шансы на выживание «триумфатора». Упразднение антагонистической структуры через поражение противника наносит, следовательно, ущерб обеим сторонам конфликта и, как было отмечено выше, вовсе не гарантирует полное превосходство условного победителя. Последний вовсе рискует потерять существующую в рамках конфликтной схемы систему ориентиров, составляющих конкретные точки идентификации его семантики бытия и позволяющих проводить внутреннюю мобилизацию сил. В этом смысле определение врагов как у Шмитта, так и у Дугина, подразумевает постоянный и бесконечный феномен-процесс⁶¹.

Исторически осмысленная взаимосвязь между двумя полюсами представляет, таким образом, в понимании сторонников неоевразийства «процесс постоянного диалога, диалектического обмена энергиями, ценностями, технологиями, идеями и вещами»⁶². В рамках данного процесса обе стихии определяют развитие своих собственных, соответствующих их прообразу, ценностных систем, которые воспроизводят различные и одновременно находящиеся в прямой зависимости друг от друга общественные системы и подсистемы. С точки зрения неоевразийства, очевидным является тот факт, что существование евразийства без атлантизма (как и Востока без Запада, а Бегемота без Левиафана) за пределами конфликтной структуры не представляется возможным, так как уничтожение одной из сил-стихий как коллективной противоположности приведет к гибели оппонента, одержавшего верх в противостоянии. Лучше всего данная взаимозависимость и следующая из разрушения антагонизма «друг – враг» эрозия идентичности «победителя» могут быть проиллюстрированы на примере развития США и либеральной идеологии после развала Советского Союза в 1991-м году. Возникшее в результате краха коммунистической модели единовластие либерализма с сопут-

---

⁶¹ Thiele U. Carl Schmitt Großraumtheorie in der Perspektive der Kantianisch-Kelsenschen Völkerrechtslehre // Großraum-Denken: Carl Schmitts Kategorie der Großraumordnung / Ed. R. Voigt. Stuttgart, 2008. P. 120f.

⁶² Манифест Международного Евразийского Движения // Информационно-аналитический портал «Евразия». 2 декабря 2003. <http://evrazia.org/modules.php?name=News&file=print&sid=1571>. Последнее посещение 25 июня 2016.

ствующей претензией на абсолютную легитимность западной идеологии привело к быстрой глобализации, деформации и субстанциональному разрушению аутентичной и последовательной модели либеральной мысли⁶³. Подлинный либерализм с присущей ему логикой рациональности был заменен при переходе в постмодерн новым типом либеральной идеи, которую Дугин обозначает как «постлиберализм». Новый формат идеологии является на сегодняшний день, по мнению автора, консенсусной основой любого политически дискурса и способствует на фоне его всеобщего превосходства формированию так называемых «постистории» и «постполитики» – сопровождающих атрибутов нового цивилизационного этапа развития. Новый либерализм ставит под сомнение диалектическую форму бытия, равно как и наличие альтернативных точек зрения, теряя при этом свою первичную плюралистическую логику. Фактически, пост-либерализм способствует ослаблению собственной субстанции и инициирует самоуничтожение⁶⁴. Следовательно, либерализм «носит в себе свой собственный приговор, свое собственное отрицание, свою собственную смерть»⁶⁵.

Впрочем, и запрограммированная, как цель, диверсификация «врагов» в плюрализации геокультурного ландшафта приведет к размытию конститутивного образа коллективной противоположности и повлечет за собой расстройство идентичности, что, несомненно, является доказательством убыточности и контрпродуктивности многополярного мироустройства для самого Евразийства. Если учесть тот факт, что фундаментом для дуалистических представлений Дугина, прежде всего, выступает антагонистическая конструкция Шмитта, то стремление к установлению многополярности является алогичным в своей сути. Кроме того, принимая во внимание онтологическую конститутивность дуализма для общего бытия, его преодоление или существование за пределами дуалистического-антагонистической логики мышления вряд ли может быть постигнуто с эпистемологической точки зрения.

Несмотря на изложенные гипотетические предположения, идеи многополярности формируют сукцессивную, производную из доктрины неоевразийства одноименную теорию. При этом, в первую очередь, возникает вопрос, удастся ли ее сторонниками в действительности вынести их теоретические представления о многополярном мироустройстве за рамки основополагающего объективно-онтологического дуализма, преодолевая исходное конфликтное соотношение его элементов, чтобы, таким образом, обеспечить логическую последовательность в общей парадигме. На фоне данного спектра вопросов следует дополнительно обсудить роль и характерные особенности теории многополярности.

---

⁶³ Дугин А. Запад без СССР: мир идет к идеологическому взрыву // Информационно-аналитический портал «Накануне.RU». 25 февраля 2013. <http://www.nakanune.ru/articles/17498>. Последнее посещение 25 июня 2016.

⁶⁴ Он же. Теория многополярного мира ... С. 420 и сл.

⁶⁵ Он же. Тамплиеры пролетариата: национал-большевизм и инициация. М., 1997. С. 193.

Многополярность и стратегические цели неоевразийства

В предшествующих главах было наглядно продемонстрировано, что неоевразийская доктрина предполагает создание нового формата международного порядка, подразумевающего нейтрализацию продолжающейся с момента распада СССР идеологической гегемонии США и закрепление «многополярного мира» в качестве новой парадигмы международных отношений. Исходя из поставленной цели, Александр Дугин, следовательно, создает «Теорию многополярности», которая по аналогии с его трактатом о «Четвертой политической теории» критически тематизирует идеи постмодернистского «тоталитарного» либерализма. В рамках данной теории четко просматривается склонность Дугина противопоставлять свои идеи постулатам глобализации и либеральных норм. Тоталитарность либеральных идей и их безграничное интернациональное распространение Дугин воспринимает как *malum in se* и желает противодействовать этим процессам, включающим в себя, прежде всего, глобальную универсализацию либеральных представлений о демократии и правах человека путем установления многополярности и сопутствующего запрета на интервенцию посторонних норм в чужеродные культурные сферы отдельных региональных квази-полюсов.

Несмотря на то, что теория многополярности эпизодически преподносится в качестве научного открытия, сама идея многополярного мироустройства в представленной Дугиным форме берет свое начало в европейской империалистической традиции господства. Начав свое формирование в XIX-м веке, она представляла десятилетиями спустя в форме процесса глобального районирования пространства на культурно-территориальные комплексы, которые формировались за пределами или в продолжении национально-государственных метрополий, формируя и структурируя их имперские сферы влияния в периферии. Подобная парадигма в вопросах территориального распределения между региональными гегемониями окончательно утвердилась после Первой мировой войны и предложила, прежде всего, в концепциях о «Великих пространствах» (*Großraum-Konzepte*) эффективную модель интегрального территориального господства⁶⁶.

В то же время, концепция Карла Шмитта о международном «Порядке больших пространств с запретом на интервенцию для чуждых пространству сил», изложенная в его одноименной работе в 1930-х годах, сыграла немаловажную роль в дискуссии о возможностях становления нового формата международных отношений в правовой плоскости⁶⁷. В данной концепции немецкий правовед, ставя под сомнение целесообразность существования государств-наций как фор-

⁶⁶ Jurzeit U., Tietze N. Postsouveräne Territorialität: Eine Einleitung // idem. Postsouveräne Territorialität: Die Europäische Union und ihr Raum. Hamburg, 2015. P. 11.

⁶⁷ Schmitt C. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot für raumfremde Mächte: Ein Beitrag zum Reichsbegriff im Völkerrecht // idem. Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916-1969 / Ed. G. Maschke. B., 1995. P. 269-379.

мы суверенной организации общества на определённой территории, предпринимает попытку создания альтернативного мирового правопорядка, который соответствовал бы существующему геокультурному полицентрическому «плюриверсуму». Деформацию и, как следствие, упадок международного принципа организации в формате Вестфальской системы Шмитт объясняет, в свою очередь, нарушением так называемого «порядка пространства», вызванного универсализацией «европейского» международного права и его распространением путем расширения зоны применения на неевропейские территории в ходе активно продолжавшейся с XIX века колонизации⁶⁸. Подобная ликвидность суверенитета, некогда ограниченного в рамках одной территории, подразумевала пространственное преодоление границ и распространение государственной власти за пределами ее территорий; это предопределило упадок государственности в ее исконной форме эпохи модерна и повлекло на этом фоне ослабление действующих структур международного порядка.

На фоне деформации существующего пространственного порядка, в котором институт государственного суверенитета предопределял равнозначность его носителей и представлял, следовательно, гарантии для межгосударственной стабильности, проблема безопасности стала передовым вызовом для акторов международных отношений⁶⁹. Это способствовало началу поиска нового политического «Закона земли»⁷⁰ (*Nomos der Erde*) и нового механизма для дальнейшего мирного сосуществования, который был бы призван противостоять попыткам распространения правового универсализма и восстановить баланс сил между несколькими крупными региональными силами. Именно этот механизм Шмитт открывает для себя в «Большом пространственном миропорядке» и в учреждении новых субъектов международного права – империй, которые, согласно его суждению, должны выступать в качестве конкретных международно-правовых величин, заменяя институт современных государств⁷¹. Подобные геополитические образования, которые, таким образом, размывают границы национальных государств, представлялись немецкому правоведу «ведущими и несущими силами, чья политическая идея охватывает определенное пространство и исключает проникновение инородных идеологических частиц [в их структуру]»⁷². Исходя из этого, Шмитт призывает к территориальному разделению (районированию) Земли на несколько географически, экономически и культурно детерминирован-

---

⁶⁸ Idem. Staatliche Souveränität und freies Meer: Über den Gegensatz von Land und See im Völkerrecht der Neuzeit // idem. Staat, Großraum, Nomos: Arbeiten aus den Jahren 1916-1969 / Ed. G. Maschke. B., 1995. P. 401-407.

⁶⁹ Idem. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot ... P. 273f.

⁷⁰ Idem. Der neue Nomos der Erde // idem. Staat, Großraum, Nomos. Arbeiten aus den Jahren 1916-1969 / Ed. G. Maschke. B., 1995. P. 518

⁷¹ Masala C. Carl Schmitts Großraumtheorie: Eine Theorie der Internationalen Politik? Drei Lesarten und eine Anwendung // Großraum-Denken: Carl Schmitts Kategorie der Großraumordnung / Ed. R. Voigt. Stuttgart, 2008. P. 173.

⁷² Schmitt. Völkerrechtliche Großraumordnung mit Interventionsverbot ... P. 295.

ных пространств, несущих функцию защитных мембран для сердцевин империй. Учитывая специфическое восприятие Шмиттом географического пространства, последнее, по его мнению, выражается не только через определенную территорию, но и через существующие в ее рамках шаблоны взаимоотношений и структуры общественной коммуникаций. Само пространство в этом смысле является собранием культурно-социальных характеристик, феноменов и явлений, которые в процессе исторического развития сформировались в систему социально-общественной памяти и конкретные культурные шаблоны, определяющие движение смыслов в социальном времени. Подобное пространство подразумевает, кроме того, наличие в нем определенной политико-идейной константы, носителем которой является народ⁷³.

Очевидно, что наряду с понятием политического вторым источником вдохновения для Александра Дугина в учениях Карла Шмита стали именно его выше изложенные идеи модернизации международного порядка, которые, согласно идеологу неоевразийства, могли бы послужить прототипом для нового мироустройства. В конечном итоге, теория многополярности стала именно тем идеологическим продуктом, который унаследовал нормативные представления и концепции немецкого юриста о пространственном планировании, совокупив их с реваншистскими тезисами неоевразийской доктрины. Функциональное сходство двух моделей, противостоящих глобализационным процессам и противопоставляющих себя практике идейно-культурного отождествления самобытных народов и культур, является очевидным свидетельством субъектно-объектной преемственности между двумя концепциями. Помимо этого, схожесть в методике дополнительно иллюстрирует связь между этими учениями.

Сама по себе многополярность призвана воплотить, в представлении Дугина, новый «Номос Земли», который мог бы сдерживать современные тенденции либеральной глобализации и однополярной гегемонии «североатлантического мира». Многополярность представляет, таким образом, логический результат его критики международных отношений, которая выстраивается на тезисе о фактическом прогрессирующем неравенстве между суверенными национальными государствами. Сам же суверенитет, как несущий институт и легитимная основа государственной независимости, обеспечивающий, прежде всего, правовое равенство между его носителями, существует, согласно Дугину, исключительно на бумаге, так как *de jure* самодостаточные государства фактически не в состоянии защищать себя от агрессивной политики международного гегемона⁷⁴. Исходя из этого умозаключения, идеолог неоевразийства указывает на необходимость создать еще один центр власти, который мог бы противопоставить себя и свою политико-

---

⁷³ Voigt R. Denken in Großräumen: Imperien, Großräume und Kernstaaten in der Weltordnung des 21. Jahrhunderts. // idem. Großraum-Denken. Carl Schmitts Kategorie der Großraumordnung. Stuttgart, 2008. P. 36.

⁷⁴ Дугин. Теория многополярного мира ... С. 31 и сл.

культурную модель «*Rax Americana*», господствующему и определяющему международную архитектуру взаимоотношений.

В свою очередь, полюса внутри многополярного мира не должны отождествляться с национальными государствами или отдельными идеологическими блоками ввиду их внутренней асимметрической динамики. Вместо этого, дугинская многополярность подразумевает существование больших пространств или цивилизаций в духе идей Карла Шмитта, которые стратегически объединяются границами общей культуры. Типичными пространствами в этом духе являются Европа, союз США, Канады и Мексики, объединенная Латинская Америка, Великий Китай, Великая Индия и, конечно же, Евразия. Подобного рода полюса выделяются, прежде всего, сложным структурным характером: все они состоят из центрального государственно-этнического элемента, который является не только основным носителем культурного начала, наполняющего пространство, но и определяет его (пространства) динамику и внутреннее состояние. В соответствие с этим, России, например, отводится ведущая роль в евразийском пространстве, охватывающем территориальные районы Центральной Азии, Российской Империи или Советского Союза и Европы⁷⁵. При этом Дугин трактует путь к становлению новых полюсов как нечто, чему еще предстоит воплотиться в жизнь. Успех подобных начинаний прямо зависит от готовности открыто противостоять тенденциям культурно-правовой универсализации и интеллектуальному господству Запада. Исключительно в этом случае можно, по мнению Дугина, говорить об учреждении альтернативного порядка и локализации (в противовес глобализационным тенденциям) процессов⁷⁶. Основной инструмент для реализации этих планов идеолог неоевразийства видит, прежде всего, в интеграции культурно «близких» сообществ в большие пространства.

Само по себе большое цивилизационное пространство не должно сводиться исключительно к своим основополагающим элементам (государственной метрополии); помимо всего прочего пространство подразумевает так же наличие периферии, на которую распространяется влияние основной культуры. Подобные монолитные геокультурные образования выступают в дугинских идеях в качестве центральных и равноценных акторов геополитических отношений и обладают собственным цивилизационным суверенитетом, который другие субъекты не должны игнорировать или ставить под сомнение. Для того чтобы обеспечить их неприкосновенность, возникает необходимость защиты свободы и независимости одной цивилизации от посягательств другой. В связи с этим, Дугин постоянно подчеркивает, что в данном случае речь идет не о столкновении цивилизаций в духе известной теории Сэмюэля Хантингтона⁷⁷, а, скорее, о специфической форме «диалога между цивилизациями». В этом случае процесс регулирования

---

⁷⁵ Дугин А. Проект Евразия. М., 2004. С. 32 и сл.

⁷⁶ Он же. Теория многополярного мира ... С. 88 и сл.

⁷⁷ Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Vol. 72. № 3. P. 22-49.

отношений между различными пространствами не является статичным и вполне может быть модифицирован.

Экзистенциальной основой любой цивилизации, как и интеграции в рамках отдельного полюса, по мнению Дугина, выступает, как правило, культурная целостность, которая является необходимым условием для формирования многополярности. В этом смысле, согласно Дугину, следует говорить о единой евразийской идентичности, которая включает в себя не только русских, славян или народы с христианско-православным самосознанием, но и в равной степени тюркские и другие коренные народы Средней Азии, Сибири и Кавказа. Таким образом, дугинская Евразия как географическо-пространственная форма Евразийства обладает собственным ситуативным бытием, что позволяет ей развиваться независимым полюсом в рамках геополитических отношений⁷⁸.

Несмотря на то, что теория многополярности представляется общественности как логическое и обоснованное продолжение неоевразийской доктрины, гармоничность дугинской парадигмы имеет обозримые границы, которые с легкостью можно установить путем анализа качественной субъектности этой теории. В этом плане следует различать между желаемой и фактической сутью феномена и исследовать его с позиции того, что действительно собой представляет многополярность в учении Александра Дугина, и какую нормативную функцию вкладывает он в многополярность как альтернативную форму мироустройства.

Но как же соотносится теоретическая концепция многополярности с доктриной неоевразийства? Исходя из логики Александра Дугина, многополярность представляет логический результат в идейной семантике неоевразийской концепции. Идея многополярности подразумевает стратегическую цель неоевразийства и с логической точки зрения не может быть отделена от доктрины. Само существование доктрины, как и ее легитимность, тесно связаны во многих аспектах именно с идеями многополярного мира и важностью процесса становления геокультурного плюрализма, который в форме так называемого «Плюриверсума» призван прийти на смену монолитному цивилизационному «Универсуму»⁷⁹. Идет ли речь в этом контексте об экзистенциальном соотношении доктрины и производной от нее теории, не представляет большой значимости в рамках данной работы.

Тем не менее, теория многополярности выступает в этом смысле как интегральная часть неоевразийской доктрины в форме сукцессивной теоретической конструкции⁸⁰, предполагающей проект мироустройства после желаемого «три-

---

⁷⁸ Учитывая тот факт, что государства-нации, которые в рамках Вестфальской модели располагают статусом субъектов международного права, теряют свою важность в рамках дугинской концепции многополярности, исходная система международных [межгосударственных] отношений в условиях становления многополярного мира трансформируется в систему геополитических отношений между отдельными региональными полюсами.

⁷⁹ Schmitt. Der Begriff des Politischen ... . P. 54.

⁸⁰ Дугин. Теория многополярного мира ... . С. 216 и сл.

умфа» в противостоянии с западно-либеральными универсализмом, логоцентризмом и мондиализмом. При этом само евразийство – сущностный актор геополитических отношений и контрагент атлантизма – является основным и главным сторонником так называемого «многополярного момента». Идея многополярности встроена, следовательно, в основную схему неоевразийства, реплицируя и расширяя, тем самым, логику дуализма. Помимо этого, она выражает телеологический характер доктрины тем, что олицетворяет ее нормативный императив.

Онтический образ дугинской многополярности может, прежде всего, быть проиллюстрирован с помощью попыток автора понятийно ограничить сам феномен⁸¹. Согласно приведенным дефинициям, неоевразийская многополярность противостоит однополярному мироустройству во главе с США и представляет тем самым антитезис монополярности как таковой. При этом однополярность, как конститутивный антитезис многополярности, представляет собой основной предмет критики неоевразийской доктрины. Многополярность воплощает «радикальную альтернативу однополярному миру»⁸², и подразумевает некое идейное «продление "Геополитики Суши" в новую среду, характеризуемую наступлением глобализма (как Атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях»⁸³. Исходя из этого, многополярность и мондиализм действуют как противоречивые стратегические предпосылки и одновременно как элементы тотального геокультурного дуализма. Обе представленные концепции миропорядка рассматриваются в рамках дугинской логики в качестве продолжения антагонистического соотношения между Талассократией и Теллурократией на стратегическом уровне. Это делает борьбу за многополярную систему эквивалентной борьбе против мондиализма и тотального распространения либеральных идей⁸⁴. Соответственно, многополярность остается в прямой зависимости от монополярности и может быть реализована исключительно при поражении противника – то есть после преодоления дуально-антагонистической структуры геокультурных сил. Характерно, что данный процесс, согласно Дугину, может и должен быть ускорен с помощью дополнительных средств и инструментов⁸⁵.

Параллельно Дугин отрицает альтернативный статус ряда концепций, которые, несмотря на видоизменения, в своей внутренней составляющей представляют скрытые формы западно-либерального доминирования. В этом контексте он указывает на тот факт, что многополярность, во-первых, нельзя сравнивать с миропорядком в формате Вестфальского мира, подчеркивая, что данная система международных отношений на практике сопоставима с однополярностью и, соответственно, не должна восприниматься в качестве действенной альтернативы.

---

⁸¹ Там же. С. 16-29.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Höllwerth. Das sakrale eurasische Imperium ... . P. 250-253.

⁸⁵ Дугин. Теория многополярного мира ... . С. 327 и сл.

Так же и аполярная или мультилатеральная модели международных отношений представляются Дугину лишь инструментализированными формами доминанции Западного мира в сфере организации мирового порядка. Принимая во внимание и тот факт, что Запад усиливает свои лидерские позиции посредством культурно-политической инфильтрации в другие пространства, Дугин отмечает, что указанные модели являются исключительно производными симптомами западно-либерального унилатерализма, от чего образ «врага» всегда имеет свое конкретное очертание⁸⁶; он утверждает, что ни одна из них не противостоит господству западно-либеральной идеи, а значит, не в состоянии зарекомендовать себя в качестве альтернативной модели фактической однополярности.

Дугин, равным образом, указывает на то, что упомянутые форматы архитектуры международных отношений, в своей сути, являются логическими последователями монополярного миропорядка, в которых Запад стремится усилить свое влияние и глобальное превосходство. Реализация этих целей представляется возможной посредством глобальной унификации, которая подразумевает распространение постмодернистских взглядов, формирование транснационального гражданского общества и глобальную универсализацию базисных демократических утопий.

Отдельно Дугин обозначает отсутствие какой-либо взаимосвязи между многополярностью и двуполярностью, объясняя это преимущественно тем, что ни Россия, ни Индия или даже Китай не обладают необходимыми ресурсами, чтобы самостоятельно оказывать сопротивление США и НАТО. Однако с учетом того, что путь к многополярности ведет через экзистенциальное противостояние Евразийства с Атлантизмом, которое, к тому же, должно закончиться победой «сил Суши», именно установление равнозначного полярного баланса сил кажется единственной возможностью для того, чтобы нивелировать сформировавшуюся с поражением Теллурократии в Холодной войне диспропорцию между геополитическими контрагентами. На этом фоне можно четко диагностировать имеющее место противоречие в основополагающей постановке целей. В этом плане, остается неясно, воспринимается ли установление многополярности вообще как реальная цель, так как сам поиск потенциальных союзников для формирования антизападной коалиции из теллурократических сил-государств вовсе не гарантирует реализацию желаемой перспективы, что уже и было проиллюстрировано исходом противостояния США и СССР. Очевидным, однако, является тот факт, что в рамках действующей логики неоевразийства именно возврат к биполярной системе является первичной целью доктрины, без которого решение любых других задач и намерений не представляется возможным. Установление многополярности, таким образом, следует трактовать исключительно как цель в рамках долгосрочной перспективы и, следовательно, вопросом далекого будущего, что, в итоге, наполняет саму концептуальную идею привкусом утопических иллюзий.

---

⁸⁶ Там же. С. 363 и сл.

С другой стороны, остается неясным, каким образом из дуально-антагонистического соотношения двух геокультурных идентичностей может возникнуть многополярная система международных отношений, если учесть тот факт, что противостояние стихийных сил, согласно выше изложенным предположениям, не ограничено временными рамками. В этой статичной структуре взаимоотношений Талассократии и Теллурократии попросту не предусмотрено формирование альтернативных коллективных идентичностей. Единственно возможная дифференциация «сил Суши» на основе существующей культурной многогранности остается в контексте экзистенциального противоборства с «силами моря», выступающими в качестве культурно-идеологической моносубстанции, в целом, иррелевантной⁸⁷. Разделение мира на два геокультурных лагеря со специфической самоидентификацией и принадлежность государств к одной или другой властной структуре делает установление многополярной системы международных отношений практически невозможной. Отдельные государства могут, согласно этой логике, представлять лишь одну стихию, поэтому даже в случае номинального утверждения эфемерной многополярности, они будут подразделяться на представителей Талассократии и Теллурократии. Таким образом, на фоне искусственного навязанного многополярного формата международных отношений сохранится тенденция распределения участников этих отношений на два лагеря, в связи с чем акторы будут интуитивно стремиться к созданию двухполярного баланса сил. Это подчеркивает утопичность идей Дугина относительно создания альтернативной системы геополитических отношений, так как единственная целесообразная причина трактовать установление многополярности как цель заключается в желании привлечения союзников для создания анти-талассократического фронта, чтобы вскрыть и деконструировать превосходство Западного мира. В этом случае концепция многополярной организации представляется исключительно в качестве идейной фикции для рекрутирования сторонников в борьбе с «морским врагом».

Однако, даже допуская возможность того, что теория многополярности действительно является интегральным элементом неоевразийского дуалистического представления о мире, в контексте логики отношений между успешивной теорией и доктриной остается неопределенным, как идейная концепция многополярности может существовать за пределами антагонистической структуры, наполненной борьбой с мондиализмом и противостоянием Евразийства и Атлантизма. Другими словами, остается непонятным, как идея многополярности – в случае ее реализации – может существовать за рамками формирующего ее бытия. Таким образом, становится очевидным, что онтологические допущения Александра Дугина прямо противоречат его же эпистемологическим представлениям об их воплощении в жизнь. Согласно идеям идеолога неоевразийства, реализация многополярной модели может быть осуществлена исключительно

---

⁸⁷ Он же. Основы геополитики ... С. 38-46.

посредством деконструкции западно-либерального верховенства в существующей системе международных отношений и, следовательно, за пределами геокультурного противостояния стихийных сил. Одновременно, разрешение (или ослабление) дуалистического конфликта способствовало бы деформации противостоящих друг другу, но взаимоконституирующих коллективных идентичностей ввиду того, что вместе с низвержением «врага» последовало бы размытие его образа в сознании «победителя», который, в свою очередь, необходим для поддержания внутренней гомогенности коллективного субъекта. В этом случае теория многополярности, как интегральная идея неоевразийства, оказалась бы сама под ударом. Исходя из этого, существование и реализация концепции представляется возможной исключительно при существовании референциальной контр-модели. Возможное существование за рамками борьбы – то есть сущностное воплощение модели в реальность – противоречило бы, согласно геополитической логике Дугина, общей дуалистическо-антагонистической концепции бытия и, соответственно, своей собственной экзистенциальной основе. На этом фоне воплощение многополярности находится в логическом конфликте с основными предпосылками своего бытия, что также, практически, прямо указывает на ее утопическую сущность.

В итоге, можно констатировать тот факт, что эпистемологические убеждения Дугина остро противоречат его онтологическим предположениям. Исходя именно из этого, неоевразийское стремление утвердить многополярность в качестве альтернативной модели международных отношений представляется утопией. Более того, сама идея предстает в своем образе как фиктивная цель, преподносимая в намерении возбудить интерес у потенциальных сторонников России и интегрировать дополнительные силы Теллуократии для борьбы *против* западно-либерального порядка и *за* восстановления биполярной модели по заветам Потсдамского договора.

Заключение

Подводя итог выше изложенному и синтезируя приведенные рассуждения, следует в целом отметить, что попытка Александра Дугина объединить концепцию «многополярности» и доктрину «неоевразийства» в рамках единого парадигмального конгломерата оказалась сомнительной с точки зрения банальной логики. С одной стороны, это обуславливается тем, что неоевразийство исходит в своих догмах из существования безвременной диалектической структуры, сгенерированной противостоянием геокультурных коллективных идентичностей – Талассократии и Теллуократии. Воплощение в жизнь идеи многополярности, впрочем, непосредственно зависит от наличия структурных изменений, которые могут быть внесены через реформирование или упразднение дуалистического

соотношения базисных элементов. Строго говоря, дугинская «многополярность» ставит в необходимость ликвидацию конфликтной структуры посредством триумфа Теллурократии и евразийства в борьбе с Талассократией и атлантизмом, что, согласно определению геополитического дуализма, является возможным лишь частично на короткие отрезки времени или невозможно вообще. В этой трактовке идея многополярного мироустройства предстает в качестве утопической конструкции, которая в своей основе противоречит определяющим онтологическим постулатам неоевразийской доктрины.

Помимо этого, можно констатировать, что гносеологические убеждения Александра Дугина относительно восприятия многополярности и представления о возможном воплощении этой модели мироустройства в рамках реальной системы международных отношений в равной степени противоречат его онтологическим допущениям, согласно которым концепция многополярного мира является производной идеей евразийской модели развития. В связи с этим остается непонятным, каким образом концепция многополярности ввиду ее связанности с интегральными элементами неоевразийской дуалистической картины мира может существовать за рамками формирующей ее антагонистической структуры и, следовательно, вне конфликта евразийства и атлантизма.